

Москва, 28 декабря 1877.

Душевно уважаемый Николай Николаевич.

Не хочу оставить Москву, откуда 1-го января еду освежиться на денек в Ясную Поляну, не послав вам в заголовке этого письма моего постоянного адреса, если так бсгу будет угодно¹.

Туда же, согласно любезному, теперь уже письменному обещанию, будем поджидать вас летом. Повторяю, если мы, люди, не внесем туда нашей обычной чепухи, то Воробьевка останется тем, чем есть в сущности—раем земным, по климату, положению, растительности, тени и удобствам².

Это именно место для людей, убедившихся, что не только человек, но и вся человеческая история (построенная как французская мелодрама на несовместимых пружинах)—в сущности, пуф, так как в ней гоньба за вечно недостижимым; а солнце, луна и звезды, мирно проступающие между темными верхушками столетних дубов,—видимые края той вечной, непорочной ризы божества, которую видит Гете:

Küss ich den letzten
Saum seines Kleides
Kindlich Schau er
Tief in der Brust*³.

Но пока не в том дело. Конечно, я не настолько богат, чтобы махнуть рукой на хозяйство, тем более что у меня, по воле Аллаха, теперь нет иного источника существования; но такое маханье рукой мое конечное *riim desiderium***², и я постараюсь смотреть на эти дела сверху вниз, чтобы они не разбежались, как стадо без пастыря.

Что же затем мне делать? Вот я придумал себе дело. Хочу перевести на русский язык «*Kritik der reinen Vernunft*» Kant'a. Знаю, что это труд громадный. Но этой-то стороной он мне и улыбается. Куплю я себе существующие к нему объяснения и стану работать⁴. Мысль перевести его родилась у меня из желания его изучить. Уж лучше этого приема трудно придумать. Почему же не сделать так, чтобы следы моего изучения остались на пользу и другим желающим? Конечно, мне торопиться некуда. Но подъедете Вы и взглянете—так ли идет дело или криво. Я бы желал для читателей снабдить перевод рядом примеров, для уяснения терминологии.

Напишите мне совершенно откровенно, какого Вы мнения о моей затее? Пожалуйста, раз навсегда, во имя той простоты, которую Вы во мне заметили,—называйте вещи их именами. *Amicus Plato!****

Если бы я довел до конца свой перевод, я бы написал к нему краткое предисловие, от которого не поздоровилось бы русской *pseudo*-интеллигенции.

Какое это будет приятное время, когда мы Вас встретим в Воробьевке!

Искренно Вас уважающий А. Шеншин.

* Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди (*Перевод А. А. Фета*).

** благочестивое желание (*лат.*).

*** Платон мне друг! (*лат.*).